

лужицкие сербы (сорбы), не получила такого будителя и в современной Европе никак не ощущается (хотя большинство деревень в южной Саксонии имеет сербские названия и немцы говорят, что «в них жили сорбы»).

Известный чешский будитель Ян Коллар сам был словаком, но отстаивал идею единого чехословацкого языка и работал над созданием современного литературного чешского языка, хотя сам до конца жизни писал по-немецки. В Европе в 1800 г. было 16 письменных языков, а 1900 г. их число возросло до 30, а в 1937 г. до 53. За каждым языком стоял созданный за короткое время народ.

За вторую половину XX века проблема создания народа стала предметом исследований и технологических разработок, основанных на развитой науке. Применение этих технологий мы и видим в больших операциях по демонтажу наших народов и созданию новых квазинародов с коротким периодом распада и выхолощенным созидательным потенциалом. Просвещение пока что отстывает на нашей земле.

Мы обязаны противостоять хаосу постмодернизма и искать способы укрепить и развить идеалы и нормы рациональности Просвещения. Но мы не имеем права игнорировать эти новые, ставшие реальностью условия. Чтобы овладеть хаосом, надо его *знать*. Если свержение государств и уничтожение народов происходит сегодня не в ходе классовых революций и межгосударственных войн, а посредством искусственного создания и стравливания *этносов* и *народов*, то бесполезно пытаться защититься от этих новых типов революции и войны марксистскими или либеральными заклинаниями. Мы должны понять доктрины и оружие этих революций и войн, многому научиться – и противопоставить им свою доктрину, свою мировоззренческую матрицу, свой язык и свою эстетику – свое оружие.

Только после новой сборки наших народов на основе их сложившегося за тысячелетие культурного ядра станет возможна консолидация общества вокруг нового большого «проекта будущего» и преодоление кризиса.

Расторгуев В.Н. *заведующий кафедрой теоретической политологии МГУ, доктор философских наук, профессор, академик РАН*

ПАМЯТЬ И БЕСПАМЯТСТВО, ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЦИВИЛИЗАТОРСТВО

Та часть культурного наследия, которую мы специально называем национальным наследием, выполняет одну незаменимую и специфическую функцию: она является основой идентичности нации как коллективного исторического субъекта, наделенного памятью, волей и достоинством.

Александр Панарин «Глобальное политическое прогнозирование»

Наследники и наследие

Что может унаследовать человек, лишенный разума? При всем желании он не станет полноправным наследником даже в том случае, если речь идет об элементарных имущественных отношениях. Если он будет признан недееспособным (беспамятство – самый надежный признак, на основании которого несложно поставить диагноз), то ему потребуются опекуны, чтобы вступить в права собственности. И права эти будут весьма условны и жестко регламентированы. А вступить в наследование культурой предков такой «наследник», скорее всего, не сможет ни при каких обстоятельствах. Даже в том случае, если найдется честный опекун, то и он будет бессилён исправить ситуацию, поскольку разбитый сосуд не наполнить вином. Впрочем, примеры бескорыстного опекунства встречаются в жизни, как известно, не часто, а в политике подобных случаев и вовсе никто не припомнит.

По этой причине незавидна судьба страны, которая публично демонстрирует свое беспамятство. Технология «мошенничества на беспамятстве» стара как мир, и пользуются ею не только преступники, но и вполне респектабельные политики. При этом встречаются политические деятели самых различных политических ориентации, равно склонные к политическому мошенничеству такого рода. С равным успехом овладевают этим «искусством» не только представители либерально-демократического лагеря, но и прямые их антиподы – вожди правонационалистических движений.

Крайности сходятся по той простой причине, что наследник (в большой политике – народ-наследник), лишенный культурной идентичности, как бы сам отрекается от своих прав на великое наследие предков (во всяком случае, и ему, и окружающим кажется, что это собственный выбор). Все остальное – дело юридической техники. В последние годы изобретены и испытаны самые совершенные технологии массового оболванивания, способные с равным успехом

усыпить историческую память народов и заполнить образовавшиеся пустоты новым псевдоисторическим содержанием по выбору заказчика – либо высокими абстрактно-космополитическими идеями, либо не менее высокими крайне-националистскими идеалами.

Из любой состоявшейся нации граждан всегда можно набрать тех, кто стыдится своей культурной, гражданской или этнической принадлежности, кто готов встать в ряды и колонны воинствующих адептов чужой и враждебной цивилизации, кто будет считать подвигом предательство и с искренней радостью отворит ворота родного города захватчикам. Столь же просто найти и тех, кто считает врагами нации не только всякого космополита, но и тех, кто хоть чем-то не похож на них. Такие люди с восторгом вольются в ряды «сепаратистов-освободителей», способных рассорить даже собственную родню, разделив ее на своих и чужих. Для раздела народа сгодятся любые признаки и приемы – от абсолютизации диалектных особенностей до применения универсального «этнического скребка»: поскреби русского (белоруса, украинца, великоросса) – найдешь татарина, с особым пристрастием поскреби великоросса – и сразу бросятся в глаза признаки финно-угорской крови и так со всеми сложившимися этносами.

Если беспристрастно взглянуть на эти два политических лагеря – лагерь космополитов и стан ревнителей национальной чистоты всех сортов, то напрашивается единственно возможный и самоочевидный вывод: и те, и другие чаще всего решают одну проблему – сдачу своего города на милость победителя... И в том и в другом случае возникает запрос на опекунов: в первом варианте на эту роль претендуют творцы мирового порядка, который больше всего нуждается в поддержке планетарного хаоса, во втором – номенклатура второго-третьего сорта, которой хочется хоть немного пожить среди первосортных. К сожалению, только очень немногие мыслители увидели неразрывную связь этих крайностей. Одним из них был К.Н.Леонтьев. Он различал *подлинно национальную политику*, цель которой – сбережение религии народа, без которой его легко разделить на дикие и слабые племена, и *национально-племенную политику*: «первая верна и охранительна, последняя революционна (т.е. космополитична) и обманчива».

Суть русского цивилизационного пути в том и заключается, что он с момента становления российской государственности не укладывался ни в одну политическую схему или колею из тех, что проложила западная цивилизация. Для России узки и глобальная космополитическую магистраль, и племенная самоизоляция, поскольку русская душа открыта для восприятия ценностей как западной, так и любой иной культуры. Эту особенность подметил А.С.Панарин в книге «Православная цивилизация»: «не племенное чувство и не имперская гордыня скрепляли идентичность русских людей московского периода, а православный идеал священного царства, основанный на высшей правде и жертвенном служении святой апостольской вере».

Цивилизаторы – главные враги цивилизации. Если Россия, а точнее то, что от нее осталось после великого распада страны, еще не разорвана на мелкие куски, а лишь обглодана по краям, то это, по мнению возможных опекунов, дело времени. Ее относительная целостность и независимость (подлинная, а не та, с обретением которой уже несколько лет поздравляют Россию изумленные нашим беспамятством соседи по планете) сохранились только по той причине, что не все из нас впали в забвение, отреклись от веры и принесли присягу золотому тельцу.

К тому же и потенциальные опекуны еще помнят об итогах Второй мировой войны, когда из небытия, из руин и хаоса поднялся народ-гигант, на долго похоронивший стратегии мирового господства и единодержавия вместе со стратегами. Да и не договорились еще новые опекуны между собой, как «по справедливости» поделить «лакомый кусочек», который еще недавно составлял одну шестую часть земной суши. Сегодня это «кусочек» стал чуть скромнее и составляет одну седьмую. Но и эта седьмая часть стоит остальных шести: львиная доля планетарных ресурсов... В желании поскорее поделить Россию скрыта природа казалась бы необъяснимой ненависти к православной культуре. Все объясняется просто: именно наша великая культура, основанная на ценностях христианства и на характерном для русской православной традиции уважении к иным верованиям, стала основой единства. Православная культура из столетия в столетия связывала людей в семьи, семьи в поколения, поколения в народы, а народы в нацию граждан, имеющих общую историю, а, следовательно, и высшее право на самобытность и наследование.

В сорок первом году Гитлер ошибся не в метеопрогнозах, как считают некоторые историки, не в оценках военного потенциала соперников и не в том, что России в самый трудный момент придется рассчитывать только на свои силы и на «моральную поддержку» союзников (все так и случилось). Он ошибся в главном, полагая, что Россия уже превращена насильниками, которые десятилетиями глумились над национальной историей, православием и верующими, в «колосс на глиняных ногах», т.е. утратила последние проблески исторической памяти. На этой посылке строился и стратегический вывод: после первого же мощного удара Россия распадется, как глиняный истукан, на тысячи больших и малых этнических осколков, объединенных одним общим

чувством – взаимной ненавистью.

И роль «большого опекуна» над дикими племенами будет заключаться лишь в том, чтобы направлять их лютую ненависть в нужное русло. Этого не произошло потому, что православная культура не умерла в душах граждан России, а матери истово молились за своих сыновей. Наша страна выстояла и потому, что представители иных верований испытали на себе те же гонения и не приняли за истину ложь о «тюрьме народов». Они просто не успели забыть о том, что именно православная Россия в течение столетий сберегала от геноцида все народы, вошедшие в единую семью, сохранив их культурные традиции, языки и святыни.

Нынешние цивилизаторы именуют себя скромно, но со вкусом: «цивилизованным человечеством». В чем заключается это новое «цивилизованное варварство», обрушившееся на Россию? Его истоки известны." это, во-первых, результат вырождения постхристианской цивилизации (западной цивилизации, избавившей себя от «пут веры» и, соответственно, от «химер совести»), а, во-вторых, простое предательство со стороны политических элит. Сегодня весь интеллектуальный, экономический и военный потенциал, накопленный западной цивилизацией, направлен на передел ресурсов в режиме глобализации и, соответственно, на цивилизаторство нового типа – на установление *нового мирового порядка*. Для достижения столь масштабных целей требуются поэтапная перепланировка всей цивилизационной карты планеты и осуществление проектов, обеспечивающих оперативную *переидентификацию* населения в соответствии с произвольным установлением (разрушением старых и созданием новых) границ – от государственных до этнокультурных включительно. Главное, чтобы память «осчастливленных» не мешала тем, кто несет свет цивилизации в темные уголки мира, сделать эти территории открытыми для освоения.

Естественно, что в поле этой активности попадают и народы так называемого постсоветского пространства или исторической России. Но здесь последствия «неоцивилизаторской активности» станут особо разрушительными и непредсказуемыми, если учесть, что России было уготовано стать не только одним из основных центров восточно-христианской цивилизации и гарантом ее сохранения, не только перекрестком культурно-конфессиональных миров, но и «котлованом» под строительство всемирной башни нового человечества. Напомним, что «новый человек» и «новая общность» также формировались методами цивилизаторской перестройки и перекройки земного пространства, отвоеванного под эксперимент, гарантирующий народам освобождение от собственности (ресурсов), традиционной веры и культурно-национальных личностных признаков.

К сожалению, в современной России, идущей неизведанной дорогой тотальной демократизации, поднимет голову именно недееспособный человек. А как иначе объяснить тот факт, что говорится под диктовку потенциальных опекунов устами наших чиновников от образования, что вся история становления православной державы и великой русской культуры, ядром которой была православная вера, не заслуживает того, чтобы стать предметом изучения в школе?

Естественно, что эти новоявленные гонители православия не решатся утверждать сегодня, как они это делали во времена воинствующего государственного атеизма, что православная культура – это «проклятое прошлое», которое надо каленым железом выжечь из памяти народа. Сказать так – открыть «личико». Они нашли иной «аргумент»: знакомство детей с азами православной культуры якобы оскорбляет чувства людей, исповедующих другие религии. Но кто из нас поверит, что за этим диким утверждением, демонстрирующим полное непонимание отечественной истории и неуважение к русской культуре, стоит забота о религиозных чувствах человека?

Но никакие волны многоликого цивилизаторского варварства, которые вновь и вновь обрушиваются на Россию, никакие всплески зла, исходящие от врагов православной веры, рекомендуемых «обезопасить» страну, изъяв, подобно большевикам, во имя мнимого мира саму память о ее православной культуре и христианской миссии, не следует рассматривать как приговор, не оставляющий надежды. Отказаться от религии и самобытности ради «мира», который хуже любой войны, ибо позволяет безнаказанно истреблять культуру народа и ее носителей, – в этом соблазне и заключена главная опасность. А.С.Панарин в своей книге «Православная цивилизация в глобальном мире» говорит об этом: «Сколько раз русские люди убеждали себя, будто являются свидетелями и жертвами самого последнего, самого жестокого зла, избавление от которого обозначит искомый финал истории – «день спасения». Но разве иначе обстояло дело накануне 1917 года, когда царская империя многим представлялась воплощением последнего, невозможного в своих крайностях зла? Не повторилась ли история, когда так торопили уход советской империи как последнего зла, после которого должно было наступить царство всеразрешающего либерального порядка и внутри страны, и на мировой арене?» И заключает А.С.Панарин свою мысль

словами апостола Павла: «Ибо когда будут говорить: "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба...» (1 Фес. 5:3).

Идентичность подлинная и мнимая

Начнем с самоочевидного. Представляется бесспорным, что носителем подлинной идентичности, если таковая достижима, может быть только живая человеческая душа, ибо ей предстоит делать выбор жизненного пути, памятуя об ответе на суде Божиим. Но исчерпывает ли это суждение суть вопроса и можно ли с уверенностью сказать, что носителем культурной, национальной или, скажем шире, цивилизационной идентичности, является «мое я»? Кто возьмет на себя смелость утверждать подобное, осознавая, что современный человек перемолот жерновами секулярного мышления, что почти каждый из нас, не желая того, стал заложником узкоспециализированного образования и мировосприятия, пожертвовав полнотой даров и выбором путей духовного становления? Пройдя через все круги ада отчуждения, человек вольно или невольно, но в любом случае наперекор воле Творца превращается в частичного человека.

Обезличивание – знак каждого, кто не устоял перед гонителями веры Христовой или был отторгнут от Матери Церкви искусом лжеучителей. Этот порок свойственен странам и людям, смирившимся с превращением христианской цивилизации в постхристианскую. Свойственен он и тем из нас, кто старательно «выдавливает из себя раба», но не замечает, что освобождается не от гордыни, превращающей свободного человека в раба, а от раба Божия (а это псевдоосвобождение достигается легче всего: падать – не подниматься). Поэтому хотелось бы спросить себя и других: если не я и не ты, если не каждый из нас по отдельности является носителем культурной и цивилизационной идентичности, то кто же тогда?

Может быть, носители нашей культуры – это социум, общество, народ? Трудно, наверное, опровергнуть логику небезызвестного философа и политолога Ж.Бодрийара, когда он говорит о том, что не стоит слишком доверять суждениям СМИ, отштампованным по единой мерке: «английский народ встал на сторону...» или «советский народ поддержал решение партии и правительства...». Во всех этих случаях речь идет о *массах*, которые, по выражению Бодрийара (из книги «В тени молчаливого большинства или Конец социального»), можно уподобить черной дыре: они «не излучают, а, напротив, поглощают все излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла».

Может быть, носителями идентичности являются не массы, а те, кто *выделяется из массы* или, что почти то же самое, *выделяется массой*? (Эти принципиальные различия социологи обычно не замечают, относя их, видимо, к стилистическим оттенкам.) Заметно выделяет себя и уже одним этим выделяется слой, называемый по русской традиции интеллигенцией. Правильнее («технологичней», по-американски) было бы называть тех, кто к нему принадлежит, «яйцеголовыми». Дело в том, что слово «интеллигенция» в отечественной культуре сопряжено с очень глубокими положительными или отрицательными коннотациями. А оценочные суждения и идеологе мы, связанные с этим образом и понятием, мешают четко определить функции интеллигенции как социальной группы. Сленговое словечко «яйцеголовые» лишено этого изъяна, поскольку предназначено для обозначения «голой функции», которая сводится к специализированной интеллектуальной деятельности и, в частности, к обслуживанию власти или оппозиции.

Особое направление этой деятельности – идентификация и индоктринация, что предполагает конструирование и внедрение (трансплантацию) самообразов в отдельные социальные группы и нации, государства и цивилизации. Именно так эти самообразы зачастую создаются, изменяются и корректируются, именно так «яйцеголовые» формируют за нас нашу идентичность, заставляя поверить в феномен самоидентификации. Нормальный человек, даже если и имеет некоторое представление о самоидентификации, передоверят эту работу «умникам». Не знаю ни одного человека, кто бы по собственной воле, без принуждения задумался над тем, насколько он *идентичен самому себе*... Такие вопросы возникают или у людей с некоторыми отклонениями от нормы (глубокий стресс, нелады с собственным «я», особенности психики), или у тех, кто занимается этим вопросом профессионально, по заказу или по призванию, или у студентов на семинарах по философии.

Если ни отдельные люди, ни народы не могут быть носителями идентичности, то, может быть, эту функцию выполняют цивилизации, например, западно-христианская и, соответственно, восточно-христианская? Очевидно, что такой подход более конструктивен, так как дает возможность целостного видения, не отделяя, к примеру, этнокультурную и конфессиональную идентичность. Но и здесь возникает ряд затруднений, требующих пояснения. Сразу встает непростой вопрос о том, что называть цивилизациями? Если исходить из концептуальной схемы нашего великого соотечественника Н.Я.Данилевского, выделявшего и описывавшего культурно-исторические типы, а также восходящие к этой схеме концепции, например, А.Дж.Тойнби, то

цивилизационный подход действительно представляется наиболее продуктивным. Суть этого подхода вмещается в формулу: «есть цивилизации, но нет цивилизации», то есть не существует единой, универсальной цивилизации, но существует и развивается многоликая человеческая цивилизация или, точнее, цивилизационное многообразие мира.

Но и это уточнение не снимает вероятность грубой ошибки и даже подтасовки. К примеру, крайне популярная в наши дни концепция о неизбежном конфликте между христианской и исламской цивилизациями, также восходящая к этой схеме, заключает в себе опасное политическое заблуждение. Подобным иллюзиям, как бы они ни казались правдоподобными, нельзя поддаваться, поскольку современная геополитическая ситуация не имеет ничего общего ни с христианством, ни с исламом, и правильнее было бы говорить о *конflikте лжецивилизаций* – псевдохристианской (или постхристианской) и псевдоисламской (или постисламской). Тойнби жестко и непримиримо отзывается о западной цивилизации. По его мнению, она «не имеет право называться сегодня христианской, потому что стала постхристианской и, если бы она была только постхристианской, только неоязыческой, если бы речь шла только о возвращении эллинических представлений и культов, но нет, все намного хуже – она насмехается, она издевается, она танцует на костях христианства». Следует обратить внимание на тот факт, что Святейший Патриарх Алексий II придерживается схожей точки зрения и неоднократно говорил о том, что постхристианство – это наиболее опасная форма неоязычества.

Запад и Восток: культуuroобразующая миссия церковей. Когда предметом анализа становятся взаимоотношения двух цивилизаций – православной и западно-христианской, то следует уточнить: здесь имеется в виду не современная западная цивилизация, прошедшая почти до конца путь секуляризации культуры, а взаимоотношения культуuroобразующих конфессий. Очевидно, что без католицизма как основной культуuroобразующей конфессии для многих европейских народов не было самого феномена западной цивилизации со всеми его особенностями. Это так же верно, как и признание культуuroобразующей миссии Православия, без которой не было бы ни Святой Руси, ни исторической России, ни всего православного мира, в том числе и европейского, значительную часть которого, кстати, составляет мощный и по преимуществу православный *славянский этнокультурный сегмент Европы* (единой Европы – после расширения Европейского Союза).

В этой связи следует обратить внимание на одно важное обстоятельство, которое иллюстрирует сближение позиций православных и католиков. Имеется в виду реакция на общую и антихристианскую по своей сути угрозу, которую несет в себе модель европейской интеграции, игнорирующая исторически сложившееся конфессиональное пространство Европы и допускающая его разрушение. Речь идет в частности о совпадении оценок Предстоятеля Русской Православной Церкви Алексия и покойного ныне Папы Римского Иоанна Павла II при обсуждении Конституции Европейского союза. В данном случае не могло быть и речи о какой-то совместной организованной акции, но единство позиций не вызывает сомнений. И Святейший Патриарх, и Папа говорили о том, что европейский дом не может строиться на фундаменте антиклерикализма. И это так: если в хорошо построенном и, казалось бы, безопасном доме не будет оставлено место Спасителю, то Содом и Гоморра не позавидуют обитателям этого дома. Таким образом, есть круг вопросов, по которым разные ветви христианства, разные христианские Церкви достаточно легко находят общую позицию.

Теперь несколько слов о происхождении европейской идентичности, о внутренних механизмах ее перерождения. Когда мы говорим «Европа», «европейская цивилизация», то не сомневаемся в том, что имеем дело с некоей реальностью, а не с так называемым «институционализированным фактом». В действительности европейская идентичность основана не только и, к сожалению, не столько на признании единой или родственной конфессиональной принадлежности (а это как раз реальность), сколько на концептуальной схеме, не имеющей ни малейшего отношения ни к исторической истине, ни к истине Христовой и даже несовместимой с духом христианского вероучения. Суть схемы – бинарная оппозиция «наш – не наш» и, соответственно, поиск общего врага, создание жупела, образа *анти-Европы*. Чрезвычайно многообразен набор «сменных» образов анти-Европы, в роли которых на разных исторических этапах выступали самые различные страны, народы и цивилизации, в том числе исламский мир, Германия, Франция, США, Россия, славянство в целом...

Для нас очевидно, что образ России как символ анти-Европы - это искусственно созданный, собранный из небытия фантом, служащий и для устрашения, и для консолидации. (Подробнее об этом и о механизмах идентификации см. в кн: Кучмаева И.К., Расторгуев В.Н. Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования. – М.,

2004.)

Толерантность - путь к безопасному миру или утрата идентичности?

Толерантность - одна из самых трудных тем не столько для понимания каких-то теоретических построений (доказать, что терпимость к другим жизненно необходима - дело несложное), но и для восприятия мира, поскольку действительно сложное дело - проявить терпимость. Сама эта тема задевает самые сокровенные струны человеческой души, затрагивает отношения человека к себе и другим - к ближним и дальним, друзьям и врагам. Чтобы представить, сколь мучительно дается восприятие толерантности, зададим несколько простых вопросов. Легко ли, к примеру, быть терпимым к личному врагу или человеку, глумящемуся над самым святым, чем дорожит твой народ? Или к тому, кто насмехается над сыновней любовью, над памятью твоих предков? Или к закоренелому преступнику, загубившему невинные души? Или к предателю? Кто и как проведет границу терпимости, или таких границ уже нет? Да и легко ли быть толерантным, когда одни и те же люди, которые по роду своей основной деятельности регулярно организуют, к примеру, публичные акции, оскорбляющие чувства православных граждан (рубят святые иконы, пишут богохульные надписи и вершат тому подобные мерзости), в свободное от этой «работы» время борются против введения в школьную программу предмета основ православной культуры, поскольку это, по их мнению, оскорбляет чувства людей, исповедующих иные религии?

Для любого верующего человека отношение к религиозному опыту своего народа и других народов - это своеобразное тестирование, проверка на прочность особого социального чувства, которое называют веротерпимостью или толерантностью. Веротерпимость обычно трактуется как одно из проявлений толерантности. Сохранить веротерпимость всегда было очень трудно, поскольку люди болезненно реагируют на то, что задевает или оскорбляет их веру - и религиозную, и научную, и *просто веру*, которая в словаре Даля определяет как «уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных».

Современный мир устраняет пространства, разделяющие людей и народы, сокращает почти до нуля время, которое требовалось прежде для общения и передачи информации. Казалось бы, что может быть лучше для развития веротерпимости, чем эпоха глобализации, разрушающая все границы и барьеры? Но глобализация делает возможным как взаимовыгодный научный, культурный и экономический обмен, так и разрушительную унификацию, «усреднение» национальных культур и языков по единому шаблону. Она открывает возможности для социальной инженерии, то есть для конструирования социальной реальности - не существовавших прежде государств и наций. Особую опасность представляют попытки распространить заведомо ложные верования - деструктивные культы и секты, разрушающие культурное пространство традиционных религий. Распространяются и так называемые ложные религии (квазирелигии или псевдорелигии), основанные на поклонении не сверхъестественной силе, а политическим доктринам или харизматическим личностям.

Вмешательство в мир национальных культур подобно генной инженерии, способной не только исправлять ошибки природы, но и порождать опасных мутантов, уничтожающих природное многообразие мира. Произвольно разделяя, соединяя и сливая нации и народности, насаждая обезличенные субкультуры, политтехнологи получают возможность проектировать мир по своему усмотрению. При этом забывается старая мудрость: согласие - жизнь, слияние - смерть. Иногда жизнь без границ можно сравнить с живым существом, лишенным кожи...

Для тех, кто настаивает на том, что в современном демократическом обществе толерантность и религиозная вера несовместимы (а таких теоретиков развелось немало), следует напомнить несколько положений из *Декларации принципов толерантности*, утвержденной резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО (от 16 ноября 1995 года). В этом документе, который должен, кажется, быть азбукой для сторонников демократических преобразований, толерантность определяется через понятия «добродетель» и «моральный долг», наполненные религиозным смыслом. Эта добродетель делает возможным достижение мира через установление «гармонии в многообразии». Она требует от человека таких качеств, как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности». При этом в декларации особо подчеркивается, что «толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – это, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности». Проявление толерантности «не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждени-

ям».

Идея толерантности часто трактуется вне связи с веротерпимостью, с уважением к религиозным традициям и верованиям. Иногда толерантность понимается даже как одна из общечеловеческих универсальных ценностей, высшее проявление свободы. При этом она противопоставляется религиозным ценностям и добродетелям на том основании, что религии, якобы, разъединяют и ограничивают, а разум объединяет и раскрепощает. Основываясь на этой логике, авторы ряда политических доктрин предлагают воспитывать веротерпимость, но только без религиозной веры, на основе атеистического мировоззрения. Толерантность такого рода уже почти ничем не отличается от нетерпимости. Крайним проявлением подобной позиции служит критика толерантности как со стороны атеистов (например, сторонников бескомпромиссной классовой борьбы), так и ультра-либералов. Последние отрицают толерантность на том основании, что она предполагает хоть какое-то единомыслие, возможность консенсуса и, следовательно, ограничивает полную свободу личности. Есть и прямо противоположная точка зрения, согласно которой построение общества на основе безрелигиозной морали ведет не к единству и миру, а к противостоянию корыстных интересов, столкновению идеологий, интервенциям и гражданским войнам. Известны слова, которые Ф.М.Достоевский вложил в уста своего героя (Ивана Карамазова): «Если Бога нет, то все дозволено». История XX века с ее войнами и разделением мира по идеологическим принципам подтверждает актуальность этого предупреждения.

Понятие «толерантность» намного шире, чем «веротерпимость», поскольку распространяется не только на отношения в области вероисповедания (отношения между верующими и неверующими, между представителями разных конфессий), но и на любые проявления межличностных или социальных отношений. Более того, это понятие характеризует приспособительный тип реакции не только человека, но и любых живых организмов на опасные внешние воздействия или внутренние изменения. Для того чтобы выжить, организм вынужден приспособляться и к окружающей среде, и к собственным недугам. Но возникает вопрос: где грань между жизнью и выживанием, приспособлением и приспособленчеством? Такой тип толерантности трудно назвать нравственной ценностью. О природе толерантности и ее разновидностях спорят представители самых разных профессий - от политиков и философов, богословов и представителей других наук гуманитарного цикла, до физиологов, иммунологов, биологов и естествоиспытателей, работающих во многих других областях современной науки, а также экологи, медики - трансплантологи, психотерапевты, наркологи.

Как известно, термин «толерантность» был введен в середине 20 века английским иммунологом П.Медавара и обозначал терпимость иммунной системы организма к пересаженным тканям. В токсикологии и фармакологии под толерантностью понимается снижение чувствительности к токсичным препаратам и, в частности, к наркотикам. Следствие такой толерантности становится зависимость, болезненное привыкание... Приведем цитату из медицинского справочника: «толерантность предполагает, что субъект принимает большее количество наркотика для достижения эффекта, возникавшего ранее при меньших дозах». Очевидно, что подобная терпимость к различным человеческим порокам тоже может перейти в пагубную привычку и разрушить личность. Полную неспособность оказывать противодействие разрушающему внешнему воздействию называют абсолютной толерантностью.

Для верующих людей открывается и еще одно понимание толерантности. Их уважительное и доброжелательное отношение к представителям других конфессий и деноминаций, которых в России называют инославными, основывается не на слабости и маловерии, а на твердой вере и нетерпимости к собственным порокам. Нельзя почитать чужих матерей, неуважительно относиться к собственной матери. О том, как Русская Православная Церковь понимает веротерпимость, можно узнать, прочитав «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию». Одним из высших проявлений веротерпимости, как она понимается в Православии, является молитва за врагов. В годы жесточайших репрессий, которым подвергались духовенство и все верующие в большевистской России, это качество проявилось во всей полноте в духовном подвиге мучеников. Эти люди - и священники, и миряне - умирали за веру под пытками, но молили Господа простить их мучителей. Воистину, веротерпимость - не в маловерии, а в подлинной вере.